

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2021. № 1 (19)



Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (19), 2021

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-253-267>



This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Соперники в символизме

© 2021 В. Е. Багно, Т. В. Мисникевич

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается проблема рецепции западно-европейского модернизма в России в конце XIX — начале XX в., акцент сделан на феномене «кривого зеркала» инонационального восприятия, которое не только наделяет произведение зарубежного автора новыми функциями, но и подчас придает ему новый масштаб (судьба наследия Байрона, Золя, некоторые романы которого выходили в русском переводе раньше, чем в оригинале во Франции, поэта-парнасца Ж.-М. де Эредиа, получившего подлинную славу именно в России, в отличие от весьма недолгого признания на его родине). Предметом анализа являются тексты, максимально показательные и убедительные для заявленной темы, прежде переводы Федора Сологуба из Поля Верлена, открывшего, наряду с Брюсовым, французского поэта русскому читателю, и его оригинальные стихотворения, созданные в ходе и во многом в результате работы над переводами. Систематизация наблюдений над конкретными текстами дает возможность сделать вывод, что русские символисты, придерживаясь подчас противоположных воззрений на искусство, опираясь на авторитет Бодлера и Верлена, воспринимаемых во Франции скорее как предшественники символизма, чем его представители, шли с ними рядом, никогда не встречаясь в пути, но признавая «другого» за «равного».

Ключевые слова: русский символизм; французский символизм; межкультурные связи; художественный перевод; Федор Сологуб; Поль Верлен.

Информация об авторах: Всеволод Евгеньевич Багно — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034., Санкт-Петербург, Россия. ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0003-1408-5511>. E-mail: vsbagno@gmail.com.

Татьяна Владимировна Мисникевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034., Санкт-Петербург, Россия. ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0001-6430-2778>. E-mail: tamisnikevich@yandex.ru.

Для цитирования: Багно В.Е., Мисникевич Т.В. Соперники в символизме // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 253–267.
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-253-267>

Мы можем идти по широким равнинам,
Идти, не встречаясь в пути никогда.

.....
Мы можем, мы можем, мы многое можем.
Но только — мой равный! — пока мы вдвоем.

Константин Бальмонт

Как известно, творчество многих западноевропейских писателей получало в России большой резонанс, чем у себя на родине. Литературная и общественная жизнь в России в XIX — начале XX вв. была чрезвычайно интенсивной; это, несомненно, определяло высокую степень восприимчивости читательской публики к литературным новинкам. Кривое зеркало инонационального восприятия не только наделяло произведение зарубежного автора новыми функциями, но подчас придавало ему новый масштаб. Так было с Байроном, так было с Золя, некоторые романы которого выходили в русском переводе раньше, чем в оригинале во Франции, с поэтом-парнасцем Ж.-М. де Эредиа, слава которого в России (достаточно сказать, что его переводили Брюсов, Гумилев, Волошин) несоизмерима с весьма недолгим признанием поэта на его родине.

М.П. Алексеев отметил, что «всякое произведение литературы, переведенное на другой язык, подвергаясь своего рода изоляции от родной почвы и родственных произведений и приобретая “чужое”, несвойственное ему ранее звучание, теряет кое-какие из своих качеств и прежде всего признак *времени* своего создания <...> Вместе с тем, однако, эти переводные произведения получают новые функции, которых они ранее не имели» [1, с. 350].

В этой связи особенно показательна история восприятия произведений Шарля Бодлера в России. Если П.Ф. Якубович, Н.С. Курочкин превращали Бодлера в революционного демократа, то Константин Бальмонт, Иннокентий Анненский, Эллис переосмыслили его в символистском ключе (см.: [2, с. 144–156]). Анненский также успешно перевоплощался в своих французских «спутников»–«соперников» — представителей Парнаса, «проклятых» или символистов [5].

Объем журнальной статьи вынуждает нас ограничить число имен и анализируемых текстов, вместе с тем выбрав те из них, которые будут максимально показательны и убедительны для заявленной темы, и сосредоточившись на переводах из Верлена и оригинальных стихотворениях Сологуба, открывшего, наряду с Брюсовым, французского поэта русскому читателю.

Последовательное представление русской читательской аудитории европейских авторов, в первую очередь литераторов Франции, принадлежащих к самым разным направлениям и течениям, в качестве «декадентов/символистов» происходило с самого начала 1890-х годов¹. Так, в статье «Смерть натурализма и нервная поэзия» художественный критик Ф.И. Булгаков задается вопросом, «добьется ли желанного господства в литературе, за смертью натурализма, та группа писателей, которая под кличкой “декадентов” и “символистов” так сильно начинает занимать не только французскую, но и вообще европейскую публику». Критик, с известной долей опасений поглядывающий на «декадентов-символистов», видит в их творчестве путь к освобождению от формальных «пут»: «Первенствовавшие до сих пор в лирике Франции парнасцы, главой которых считается Леконт де Лиль, слишком заботились об отчужденности рифмы и дошли до сухой искусственности формы. Верлен, Стефан Маларме, отличающийся утонченной чувствительностью Анри Ренье, Жан Мореас, Артур Рембо <...>, все эти поэты освободили себя от традиционных пут версификации <...> Таким образом, из отвращения к чересчур деланным стихам, “чересчур точным, чересчур документированным, чересчур рифмованным”, появилась эта поэзия, объявленная критиками ночной и туманной. И она действительно туманна, как всякая истинная поэзия, не поддающаяся передаче заурядной речью»².

Почти через год Ф. Булгаков вновь напоминает русской читательской аудитории о новом течении во французской поэзии. Его адепты определены критиком как «декаденты». Приверженцы «декадентства», и прежде всего Поль Верлен, по мнению критика, обладают способностью «прочувствовать всякие умственные и душевные противоречия нашего идущего к концу века», нацелены на изыскание всяческих «болезненных явлений» и «нового слова для нового ощущения»³.

Достаточно последовательно история освоения/усвоения «нового слова для нового ощущения», выявляемого русскими авторами в наследии европейских предшественников, прослеживается (в силу авторской упорядоченности материалов архива) в творчестве Федора Сологуба. Заслуживает внимания, что начало данного освоения совпадает с регулярным появлением критических статей о «декаден-

¹ Подробнее о специфике рецепции литературы и культуры Франции в эпоху модернизма в России см.: [6, с. 434–455; 11].

² Булгаков Ф. Смерть натурализма и нервная поэзия // Новое время. 1891. 18 (30) июля. С. 2.

³ Булгаков Ф. Диоген новейшей поэзии // Новое время. 1892. 28 мая (9 июня). С. 2.

тах-символистах» в русской печати: летом 1891 года Сологуб «залпом» выполнил несколько переводов из французских модернистов различных оттенков — Жюль Леметра, Франсуа Коппе, Фернана Икра, Поля Марро, Андре Жилля, Шарля Кро. При этом мимо его внимания проходят представленные во французском источнике текстов оригиналов (литературно-общественном журнале «La Lecture: Magazine littéraire bi-mensuel: Romans, contes, nouvelles, poésie, voyages, sciences, art militaire, vie champêtre, beaux-arts, critique, etc. etc.» — «Чтение: литературный двухнедельный журнал: романы, сказки, новеллы, поэзия, путешествия, науки, военное искусство, сельская жизнь, искусство, критика и т. п.») парнасец Леконт де Лиль, символисты Жан Мореас, Морис Роллина и, самое главное, Поль Верлен, оказавший в дальнейшем важнейшее влияние на становление Сологуба-поэта [4].

Однако эти первые серьезные переводческие опыты, возможно, в сознании Сологуба были важны именно как точка отсчета в формировании его как представителя «новой» литературы. В биографическом очерке о Сологубе, составленном Ан. Н. Чеботаревской при его непосредственном участии, 1891 год обозначен как этапный на данном пути: поэту удалось осуществить «назревшее в нем желание познакомиться с писателями Мережковским и Минским, произведениями которых (особенно “Белыми ночами” Минского) в то время он сильно увлекался. Минский отнесся к молодому поэту с чрезвычайной сердечностью, и знакомство с ним оказало на Сологуба значительное влияние. При свидании много беседовали об искусстве, поэзии, *новых течениях в западной литературе* (здесь и далее курсив наш. — В. Б., Т. М.)».⁴

В своем интересе к новинкам европейской литературы Сологуб проявлял тактику скорее не восторженного ученика, а наблюдателя, которая обеспечивала ему внутреннюю свободу и возможность чуткого взгляда со стороны. В сентябре 1892 г. он откликнулся на выход первого подробного исследования в России последних достижений французской поэзии — статьи Зинаиды Венгеровой «Поэты-символисты во Франции» — первым переводом из Поля Верлена на русский язык⁵. Следующий этап (март–май 1893) — тщательное «препарирование» верленовских стихотворений из сборников «Романсы без слов», «Сатурнические поэмы» и «Когда-то и недавно»

⁴ Русская литература XX века. 1890–1910. М., 1914. Т. 2. С. 11. Встреча с Минским зафиксирована в «Тетради посещений» Сологуба 19 июня 1891 г.; см. в публ. М.М. Павловой и А.Л. Соболева: [14, с. 24].

⁵ Подробнее о творческой истории перевода см.: [10].

путем подготовки подстрочников, представляющих собой своего рода гибрид — в большей или меньшей степени связный прозаический текст с вкрапленным в него большим количеством выписанных из словаря различных вариантов перевода слов, встретившихся тексте; в итоге такой подстрочник оказывался промежуточным жанром между пословным переводом и подстрочником в собственном смысле слова (подробнее см.: [3]). Здесь Сологуб также вписался в контекст публикаций о французских модернистах: в апрельском номере журнала «Северный вестник» под рубрикой «Письма из Парижа» был опубликован очерк «Литературные новинки». В очерке было уделено внимание и символистам, в частности Верлену: «Что же касается новой плеяды поэтов, до символистов, то, может быть, нам оттого трудно судить о них справедливо, что мы еще слишком близки к ним. Некоторые из них все-таки очень выдаются. Прежде всего Поль Верлен. Его надо поставить особняком, во-первых, оттого, что он понятен (во всяком случае, понятнее, чем сам того хотел бы); а во-вторых, потому, что его мысль — когда он умышленно не затемняет ее — проста и прочувствованна»⁶.

Подготовка подстрочников предопределила два года плодотворной работы Сологуба над переводами⁷, которые в дальнейшем прак-

⁶ *Robert de Cerisy <Paris M.-S.-M.>*. Литературные новинки. (Перевод с рукописи) // Северный вестник. 1894. № 4. Отд. II. С. 75.

⁷ Согласно данным авторской библиографической картотеки Сологуба и его рабочих тетрадей 1892–1894 гг., в 1893 г. поэт подготовил следующие переводы из Верлена: «На сердце слезы упали...», *16 января* (вторая редакция: «Мне в сердце слезы пали...», *31 января*, третья редакция «В слезах моя душа...», *7 августа*), «Синева небес над кровлей...», *1–2 февраля*, «С реки туман встает, как дым...», *5 марта*, «На солнце утреннем пшеница золотая...», *13 марта*, «Это — нега восхищенья...», *19–20 марта*, «В зелено-алой дали...», *25 марта* (вариант «В дали зелено-красной...», *11 мая*), «В полях кругом...», *26 марта*, «Калейдоскоп» («В том городе в мучительной земле...», *26–27 марта*), «Magie» («Океан трепещет...», *3, 8 апреля*), «Серенада» («То не голос трупа из могилы темной...», *9 апреля*), «Научися, мой друг...», *13 мая*, «Белая луна...», *13 июня*, «Тесный, светлый круг под лампой...», *11 июля*, «Вот осень наступила...», *12 июля*, «Grotesques» («Не опасаясь ни лишений...»), *13 июля*, «Пока блестит твой бледный диск...», *19 июля*, «Женщине» («Тебе мои стихи о ласке утешительной...», *25 июля*), «Ну-тка, спяшет джигу!...», *25 июля*, «Green» («Покорно приношу с цветами и плодами...», *25 июля*), «A rooq young shepherd» («Я лобзання боюсь...», *25 июля*), «Фавн» («Плешивый фавн из темной глины...», *4 августа*), «Мне кротко грезится...», *6–7 августа*. «Возлагать не будем...», *7 августа*, «Veams» («Был ветер так нежен, и даль так ясна...», *24 августа*; в 1894 г.: «Лунный свет» («С изысканно убранным садом...», «Твоя душа — как тот избранный вид...», «Твоя душа подобна для меня...» — 3 варианта), *8 июня*, «Вчера среди ничтожных разговоров...», *9 июня*, «Лети ты, песенка скорей...», *9 июня*, «У вас, мой друг, терпенья нет ни мало...», *11 июня*, «Мы — невинные творенья...», *12 июня*, «Музыка, музыка прежде всего!...», *13 июня*, «Почти боюсь — так сплетена...», *13 июня*, «Был шумен бал, и скрипки с пеньем флейт сливали...», *16 июня*, «Печаль без меры, без конца!...», *16 июня*, «Розы были слишком красны...», *16 июня*, «То будет жарким летом, в полдень ясный...», *18 июня*; «Непорочна ты

тически полностью укомплектовали его первое отдельное издание переводов из Верлена⁸. Тем не менее, он не спешил с их публикацией в периодике, даже вышедшее в 1894 г. отдельное издание «Романсов без слов» в переводе Валерия Брюсова не стало для Сологуба поводом представить более-менее внушительный корпус своих переводов на суд публики и критики⁹. В 1893 и в 1894 гг. Сологуб публикует всего по одному переводу в журнале «Северный вестник» — стихотворений «Le ciel est, par-dessus le toit...» (сборник «Sagesse») ¹⁰ и «Beams» («Elle voulut aller sur les flots de la mer...»), сборник «Romances sans paroles») ¹¹. Показательно, что в восьмом номере журнала за 1893 г. была опубликована статья А. Усова «Несколько слов о декадентах. (Бодлэр, Верлэн, Маллармэ, Рембо)», в которой, в частности, был представлен довольно подробный анализ сборника «Мудрость». Текст стихотворения «Le ciel est, par-dessus le toit...» (в оригинале) полностью воспроизведен в статье как пример одного из лучших лирических опытов Верлена, посвященных его «стремлению “к простому обывательскому счастью» ¹². Кроме того, Усов рассуждает о природе декадентства и символизма и особенностях поэтики произведений адептов этих течений во французской литературе. Таким образом, опубликованный в следующем номере «Северного вестника» перевод Сологуба органично вписался в дискуссию о «новых течениях» в поэзии и послужил наглядной иллюстрацией их творческого потенциала для русской культуры.

иль нет...», 19 июня, «Я не имею копейки медной за душой...», 19 июня, «Встает туман с реки, и тень деревьев тонет...», «С реки туман встает, как дым...» — 2 варианта, 2 июля, «Прошла зима, и теплое сиянье...», 3 июля, «Я враг обманам туалета...», 7 июля, «Сбор винограда» («Что там у нас в мозгу поет...»), 9 июля, «Она прелестна в свете нежном...», 11, 17 июля, «Далек от ваших глаз, сударыня, живу...», 19, 22 июля, «Одни, наивные, иль с вялым организмом...», 23 июля, 4 августа, «Был ветер так нежен, и даль так ясна...» 25 июля, 24 августа, «Зеленеют и краснеют...», 9 августа (см.: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 38; Ед. хр. 543, 545). См.: [13], а также в составленной А.Б. Стрельниковой и В.В. Филичевой библиографии «неизданных и несобранных поэтических переводов» Сологуба: [14, с. 634–640].

⁸ *Поль Верлен*. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб.: Факелы, 1908.

⁹ Подробнее о переводческом соперничестве Брюсова и Сологуба см.: [7; 15].

¹⁰ См.: *Верлен П.* Синевя небес над кровлей / Пер. Ф. Сологуба // *Северный вестник*. 1893. № 9. Отд. I. С. 202.

¹¹ См.: *Верлен П.* Был вечер так нежен и даль так ясна / Пер. Ф. Сологуба // *Северный вестник*. 1894. № 6. Отд. I. С. 218.

¹² *Северный вестник*. 1893. № 8. Отд. I. С. 202.

Данные авторской библиографической картотеки свидетельствуют, что поэт начал регулярно отсылать в различные издания свои переводы из Верлена только с 1897 года, уже после выхода двух первых своих сборников стихов¹³.

В качестве варианта развития прихотливого диалога Сологуба с Верленом рассмотрим перевод стихотворения «Le foyer, la lueur étroite de la lampe...» из сборника «La Bonne chanson» («Добрая песня»), датированный 11 июля 1893 г. Это время — пик первого этапа переводческой активности Сологуба: 10 из 28 переводов, осуществленных в 1893 г., приходится именно на июль.

Приведем текст оригинала, подстрочник и версию текста перевода, включенную в оба издания переводов Сологуба из Верлена¹⁴.

¹³ 12 апреля 1897 г. — в «Новости и Биржевую газету» («Меня не веселит ничто в тебе, природа...»), «Пока блестит твой бледный лик...»), «То не голос труппа из могилы темной...»), 26 сентября 1897 г. — во «Всемирную иллюстрацию» («Плешивый фавн из темной глины...»), «Я не имею...»), 5 октября 1897 г. — в «Новости и Биржевую газету» («Nevermore» («Зачем ты вновь меня томишь, воспоминанье...»)), 15 июня 1897 г. — в «Новости и Биржевую газету» («Одни, наивные иль с вялым организмом...»), «То будет жарким летом в полдень ясный...»), «На ладонь виском прилег я...»), 15 октября 1897 г. — в «Новости и Биржевую газету» («Мне кротко грезится под шепотом ветвей...»), «Не опасаясь ни лишений...»), «О что в душе моей поет...»), «Розы были слишком красны...»), «Я в черные дни...»), 6 декабря 1897 г. — в «Вестник иностранной литературы» («Возлагать не будем не будем друг на друга пути...»), «В дали зелено-красной...»), «Печаль без меры, без конца...»), 8 декабря 1897 г. — в «Новости и Биржевую газету» («В зелено-алой дали...»), «Мы — невинные творенья...»), «Покорно приношу с цветами и плодами...»), 22 марта 1898 г. — в «Петербургскую жизнь» («В полях кругом...»), 12 июня 1898 г. — в «Новости и Биржевую газету» («Я враг обманам туалета...»), 19 июня 1898 г. — в «Новости и Биржевую газету» («Непорочна ты иль нет...»), «Тебе мои стихи о ласке утешительной...»), 12 июля 1904 — в «Новый журнал иностранной литературы» («Плешивый фавн из темной глины...»), 21 августа 1904 г. — в «Новый журнал иностранной литературы» («В дали зелено-красной...»), «В слезах моя душа...»), «Лети ты, песенка, скорей...»), «Тебе мои стихи о ласке утешительной...»), 16 октября 1904 г. — в «Новый журнал иностранной литературы» («Она прелестна в свете нежном...»), «Почти боюсь, — так сплетена...»), 6 декабря 1904 г. — в «Новый журнал иностранной литературы» («Научися, мой друг...»), «Океан трепещет...»), «Это — нега восхищенья...»), «С изысканно убранным садом...»), 26 февраля 1907 — в «Образование» («На сердце слезы упали...»), «С изысканно убранным садом...») (см.: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 543, 545).

¹⁴ *Поль Верлен*. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. С. 39; *Поль Верлен*. Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом. Издание второе исправленное и дополненное. Пг., М.: Петроград, 1923. С. 93.

Оригинал

Le foyer, la lueur étroite de la lampe;
 La rêverie avec le doigt contre la tempe
 Et les yeux se perdant parmi les yeux aimés;
 L'heure du thé fumant et des livres fermés;
 La douceur de sentir la fin de la soirée;
 La fatigue charmante et l'attente adorée
 De l'ombre nuptiale et de la douce nuit,
 Oh! Tout cela, mon rêve attendri le poursuit
 Sans relâche, à travers toutes remises vaines,
 Impatient des mois, furieux des semaines!

Подстрочник

Очаг, луч/свет узкий/интимный лампы;
 Задумчивость с пальцем у виска
 И глаза, теряющиеся в очах любимой;
 Время дымящегося чая и закрытых книг;
 Сладостное предчувствие, что вечер на исходе;
 Отрадная истома и трепетное ожидание
 Брачной сени и сладостной ночи,
 О! в моих блаженных мечтах меня неудержимо влечет
 Все это, невзирая на тщетные отсрочки,
 С нетерпением - к месяцам, с яростью — к неделям!

Перевод

Тесный, светлый круг под лампой; очага мерцанье;
 На ладонь виском прилягу; тихое мечтанье;
 Взор, блуждающий в лазури ненаглядных глаз;
 Час дымящегося чая, книг закрытых час;
 Радость чувствовать душою вечера склоненье;
 Восхитительная томность, страстное хотенье;
 Чтоб упала брачной ночи сладостная тень, —
 Вот к чему мечтою нежной каждый Божий день
 Я без устали стремился месяцы, недели, —
 И в отсрочках беспрестанных грезы не хладели.

11 июля 1893

Автограф перевода, представленный в рабочей тетради Сологуба 1892–1894 гг.¹⁵, дает возможность выявить этапы становления его текста. Изначально Сологуб выполнил перевод первых трех строк оригинала:

От лампы узкий свет, от очага мерцанье,
 В склоненной голове отрадное мечтанье,
 И взор, блуждающий в лазури милых глаз;

Однако он отверг данный вариант (он перечеркнул) и записал текст перевода заново. Нижний слой автографа имеет незначительные расхождения с окончательным текстом: в стихах 1–2 (*Узкий светлый круг под лампой; очага мерцанье / В голове, к рукам склоненной,*

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 362.

кроткое мечтанье) и в стихе 5 (*Сладость* чувствовать душою вечера *паденье*). Правка карандашом, вероятно, более поздняя и связана с публикацией перевода в журнале «Петербургская жизнь». В результате этой правки был создан промежуточный вариант текста¹⁶, со следующим расположением стихов 1–4 (их порядок обозначен цифрами слева): На ладонь виском прилегла я, кроткое мерцанье; / Тесный светлый круг под лампой, очага; мерцанье; / Час дымящегося чая, книг закрытых час; / Взор, блуждающий в лазури ненаглядных глаз. Этот вариант, согласно отсылочной помете, Сологуб 15 июня 1897 г. направил в «Новости и Биржевую газету».

В целом перевод, с учетом всех отмеченных вариаций его текста, воспроизводит образно-стилевую строй оригинала, а также схему рифмовки. Но отнести его к числу несомненных переводческих удач Сологуба, пожалуй, нельзя. Стихотворение Верлена отличает четкая продуманность лексического состава, оно представляет собой классическую зарисовку, точными мазками передающую настроение лирического героя и мир вокруг сквозь призму его восприятия, и, соответственно, демонстрирует главные свойства и достижения лирики Верлена: разуплотнение действительности, стирание границ между внешним миром и миром лирического героя. Текст стихотворения основан на назывных конструкциях, действие переведено в описание (*задумчивость, теряющиеся, дымящегося, закрытых, предчувствие, ожидание*). Единственный глагол в тексте (*влечет*) служит знаком перехода от сдержанности и умиротворения к скрываемому за ними внутреннему напряжению (с нетерпением, с яростью).

У Сологуба краткость и напрямую связанная с ней динамика оригинала размываются (в этом плане более адекватен отвергнутый вариант первых трех строк), текст становится «рыхлым» (он существенно отличается и по количеству знаменательных слов)¹⁷. В переводе больше эпитетов, вводится ряд глаголов (*прилягу, чувствовать, упала, не хладели*), привнесены и значимый для поэзии символизма образ лазури (однако в качестве распространенного поэтизма — *лазурь глаз*).

Тем не менее этот перевод чрезвычайно интересен как пример восприятия представителем другого языка и другой культуры близкого ему по тем или иным характеристикам автора. Сологуб, по-видимому, не случайно выбрал для перевода текст стихотворения «Le

¹⁶ Все стихи приведены к варианту окончательного текста, за исключением стиха 2: а На ладонь виском припасть бы, кроткое мечтанье, б На ладонь виском прилечь бы, кроткое мечтанье, в На ладонь виском я лягу, кроткое мечтанье, г На ладонь виском прилегла я, кроткое мечтанье.

¹⁷ В позднем варианте, созданном 7 марта 1922 г., это отчасти устранено. См.: *Поля Верлен*. Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом. С. 42.

foyer, la lueur étroite de la lampe...». Образ «лампы», ставший одним из важнейших в творчестве Сологуба, был впервые обыгран поэтом в стихотворении «Шаловливые порывы / Миновали вы давно...», 20 июня 1893 [12, с. 35], то есть чуть раньше начала работы над переводом. Важно, что стихотворение посвящено теме творчества и вдохновенья:

Речка светлая текла
Из чернильницы, мечтою
Обращенною в тот ключ,
Где с кипучею волною
Вдохновенья блещет луч.
Лампы свет сиял, как солнце,
Млела тучей лампы медь,
И на малом небосклонце
Начала она синеть.

Творческие находки Верлена, не вполне реализованные Сологубом в переводе (прежде всего максимальное применение спектра мотивов грусти, тоски, томления, при точности и емкости его поэтической речи), воплотились, в частности, в стихотворениях, входящих, по определению Е.А. Лундберга, в состав «маленькой поэмы “о лампе”», которую в той или иной форме можно найти в каждом сборнике его стихов¹⁸. Первое стихотворение в этом «цикле» — «Лампа моя равнодушно мне светит...», 3 октября 1894. Сюжет стихотворения, как и у Верлена, построен на диалоге лирического героя с окружающим предметным миром, который, с одной стороны, определяет его настроение, а с другой — «подсвечивается» его душевным состоянием:

Лампа моя равнодушно мне светит,
Брошено скучное дело,
Песня еще не созрела, —
Что же тревоге сердечной ответит?

Белая штора висит без движенья.
Чьи-то шаги за стеною.
Эти большие томленья —
Перед бедою! [12, с. 186]

¹⁸ См.: Лундберг Евгений. Лирика Федора Сологуба // Русская мысль. 1912. № 4. С. 73.

Однако если у Верлена мотив «томленья» связан с радостным, хоть и беспокойным ожиданием единения с любимой, отодвинувшего творчество на задний план (*L'heure du thé fumant et des livres fermés* / Время дымящегося чая и закрытых книг), то у Сологуба — с тревожным ожиданием реализации творческих интенций: не случайно первоначальная редакция стихотворения открывалась строкой «Песня еще не созрела» [12, с. 186]. Возможно, именно «оглядка» на Верлена побудила Сологуба вывести на первый план образ лампы (при том, что слово «песня» создает отсылку к сборнику «*La bonne chanson*» в целом) и скорректировать концовку стихотворения (в первоначальной редакции: Эти томленья, / О, эти муки тоски перед бедою!), заменив словосочетание «муки тоски» на эпитет «больные»¹⁹.

В последующих частях «поэмы о лампе» так или иначе развивается присутствующий в «первой» ее части образно-мотивный ряд: «Где же мой кроткий эдем? <...> / Темные стены глядят на меня. / Скучная лампа горит. / Скучная книга лежит» («Холод повеял в окно...», *22 августа 1898*) [12, с. 455]²⁰, «Скучная лампа моя зажжена, / Снова глаза мои мучит она. <...> Если мне вечно за этим столом / Скучным и скудным томиться трудом» («Скучная лампа моя зажжена...», *26 августа 1898*) [12, с. 465], «И душны покровы, и скучно лежать, / Но свет мой не хочет в окне засиять. / Докучная лампа, тебя ли зажечь, / Чтоб взоры направить на мертвую речь? / Иль грешной мечтою себя веселить» («Рассвет полусонный, я очи открыл...», *21 ноября 1899*) [12, с. 553]²¹.

Эти примеры наглядно показывают, что Сологуб в своей переводческой практике, органично дополнив своей поэтическое творчество, по-своему интерпретировав, подтвердил известное высказывание Жуковского «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник». Сомневаясь в собственных силах (Господи, если я раб, Если я беден и слаб) и стремясь к совершенству (Дай мне

¹⁹ Последние две строки стихотворения Р.В. Иванов-Разумник назвал «лучшим эпиграфом» к первому авторскому сборнику стихов Сологуба (*Иванов-Разумник. О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов. СПб., 1908. С. 21*).

²⁰ Д.В. Философов в рецензии на книгу стихов Сологуба «Собрание стихов. Книга III и IV: 1897–1903 г.» (М.: Скорпион, 1904) полностью процитировал это стихотворение и отметил, что «Сологуб простой ненарядной речью говорит о скучных и как будто самых простых вещах» (Новый Путь. 1904. № 2. С. 211). Ю.И. Айхенвальд, процитировав две последние строки стихотворения, отметил, что Сологубу «скучно, как пушкинскому Фаусту» (*Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1910. Вып. III. С. 105*).

²¹ Ср. оценку Е.А. Лундберга: «В “Пламенном круге” ночная резиньяция превращается в молитву. Лампа скучна, речь мертва — без конца ли? Принять это, как порядок, как должное, даже Сологуб не в силах» (Русская мысль. 1912. № 4. С. 73–74).

в одну только ночь / Слабость мою превозмочь / И в совершенном созданыи одном / Чистым навеки зажечься огнем), поэт не боялся «проиграть» Верлену и осознанно впитывал его опыт, нередко во-площая его в своих оригинальных текстах²².

Ближайший «соперник» Сологуба по переводам из Верлена Брюсов сочетал в освоении Верлена и творческий (через перевод), и критико-аналитический подход (прежде всего в своем раннем неопубликованном исследовании 1893 г. «Поль Верлен и его поэзия»; см.: [7]). Сологуб оставил за собой право декларировать абсолютную свободу и независимость от объекта переводческого интереса: «Я переводил Верлена, ничем внешним к тому не побуждаемый. Переводил потому, что любил его»²³, и поставить в единый ряд себя и Верлена в названии первого издания книги переводов из французского поэта: «Федор Сологуб. Стихи. Книга седьмая. Переводы из Верлена» — «Поль Верлен. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом»²⁴.

Однако именно Брюсов впоследствии признал, что Сологубу «удалось некоторые стихи Верлена в буквальном смысле слова пересоздать на другом языке так, что они кажутся оригинальными произведениями русского поэта, оставаясь очень близки к французскому подлиннику»²⁵.

Почувствовав уверенность в собственных поэтических силах и отдав дань уважения Верлену включением перевода стихотворения «Le ciel est, par-dessus le toit...» в свой первый авторский сборник стихов, Сологуб утратил переводческий интерес к Верлену (в 1895 г. он выполнил всего один перевод, в 1896 г. — два) и вновь обращается к нему только в 1922 г. на позднем этапе своего творчества.

²² Наиболее четко единение с Верленом воплотилось в стихотворениях «На мотив Верлена» («Под гул, затеянный метелью...», 7 июля 1894), «Святая в небесном сиянье...», 16 января 1896 и «Вдали, над затравленным зверем...», 1, 2 февраля 1896; подробнее см.: [9].

²³ См.: *Поль Верлен. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом*. С. 7.

²⁴ Е.Г. Эткинд, характеризуя особенности переводческих воззрений символистов, выделил именно Сологуба как наиболее показательный пример: «<...> они вовсе и “не хотят знакомить” с Гете, с Петраркой, Шелли или Уитменом — они хотят выразить только себя и свое мироощущение (это относится даже к переводам Ф. Сологуба из Верлена)» [8, с. 12]. Исследователь проводит параллель между отождествлением собственного творчества и переводов в эпоху Жуковского, Пушкина и Лермонтова и у поэтов Серебряного века: «Впервые такое отождествление встречается у В.А. Жуковского, имевшего право сказать: “...у меня почти все чужое, или по поводу чужого, — и все, однако, мое”» [8, с. 5].

²⁵ *Верлен П. Собрание стихов / Пер. В. Брюсова. М., 1911. С. 7–8.*

Возвращаясь к вынесенным в эпиграф строкам стихотворения Бальмонта «Соперники», можно сказать, что русские символисты, не соглашаясь друг с другом, придерживаясь подчас противоположных воззрений на искусство, опираясь на авторитет Бодлера и Верлена, воспринимаемых во Франции скорее как предшественники символизма, чем его представители, шли с ними рядом, никогда не встречаясь в пути, но признавая «другого» за «равного».

Литература

1. *Алексеев М.П.* Русская литература и ее мировое значение. Л.: Наука, 1989. 416 с.
2. *Багно В.Е.* «Дар особенный»: Художественный перевод в истории русской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 354 с.
3. *Багно В.Е., Мисникевич Т.В.* Верлен в подстрочниках и Верлен в переводе: творческая лаборатория Федора Сологуба // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 3. С. 358–377.
4. *Багно В.Е., Мисникевич Т.В.* Уроки французского (Неизвестные переводы Федора Сологуба и становление русского декадентства) // *Русская литература*. 2016. № 1. С. 23–41.
5. *Багно В.Е., Петрова Г.В.* Тихие песни парнасцев и проклятых (Творческая история первой книги стихов И.Ф. Анненского) // *Русская литература*. 2016. № 4. С. 19–39.
6. *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 1997. Т. II: О стихах. 504 с.
7. *Гиндин С.И.* Из ранней верленианы Валерия Брюсова // *De visu*. 1993. № 8. С. 24–49.
8. Мастера поэтического перевода. XX век / вступит. ст., сост., примеч. Е.Г. Эткинда. СПб.: Академический проект, 1997. 879 с. (Новая Библиотека поэта.)
9. *Мисникевич Т.В.* «На мотив Верлена»: перевод vs. оригинал // *Текстологический временник: Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения*. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Вып. 2. С. 241–261.
10. *Мисникевич Т.В.* «Первый» или «неудачный»: о роли перевода стихотворения Поля Верлена «Le ciel est, par-dessus le toit...» в творческой биографии Федора Сологуба // *Русская литература*. 2020. № 4. С. 234–240.
11. *Полонский В.В.* GALLO-ROSSICA: Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII — начала XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 416 с.
12. *Сологуб Ф.* Полное собрание стихотворений и поэм: в 3 т. / изд. подгот. Т.В. Мисникевич. СПб.: Наука, 2014. Т. 2. Кн. 1: Стихотворения и поэмы 1893–1899. 992 с.
13. *Стрельникова А.Б.* Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. Томск: Изд-во ТПУ, 2010. 179 с.
14. Федор Сологуб: Разыскания и материалы: Сборник / под ред. М.М. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 832 с.
15. *Филичева В.В.* «Соединение наших переводов могло бы быть полезно» (Ф. Сологуб и В. Брюсов в работе над переводами П. Верлена) // *Текстология и историко-литературный процесс*. М.: Лидер, 2016. Вып. 4. С. 131–140.

Research Article

RIVALS IN SYMBOLISM

© 2021, Vsevolod E. Bagno, Tatiana V. Misnikevich

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

Abstract: The article examines the reception of Western European modernism in Russia in the late 19th — early 20th centuries, with the emphasis on the phenomenon of the “crooked mirror” of a different nation perception, which not only endows the work of a foreign author with new functions, but sometimes also gives it a new scale (as with Byron, Zola, some of whose novels were published in Russian translation earlier than in the original in France, the Parnassian poet Jose Maria de Heredia, who received real fame in Russia, in contrast to the very short recognition in his homeland). The subject of the analysis is the texts that are maximally indicative and convincing for the stated topic, above all the translations from Paul Verlaine by Fyodor Sologub, who, along with Bryusov, opened the French poet to the Russian reader, and his original poems, created in the course of and largely as a result of work on translations. The systematization of observations on specific texts makes it possible to conclude that Russian Symbolists, adhering to sometimes opposite views on art, relying on the authority of Baudelaire and Verlaine who are perceived in France more as predecessors of Symbolism than its representatives, walked alongside them, never meeting along the way, but recognizing the “other” as “equal”.

Keywords: Russian symbolism; French symbolism; intercultural ties; literary translation; Fyodor Sologub; Paul Verlaine.

Information about the authors: Vsevolod E. Bagno — DSc in Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1408-5511>. E-mail: vsbagno@gmail.com

Tatyana V. Misnikevich — PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6430-2778>. E-mail: tamisnikevich@yandex.ru

For citation: Bagno, V.E., Misnikevich T.V. “Rivals in Symbolism.” *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 253–267. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-253-267>

References

1. Alekseev, M.P. *Russkaia literatura i ee mirovoe znachenie* [Russian Literature and Its World Significance]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 416 p. (In Russ.)
2. Bagno, V.E. "Dar osobennyi": *Khudozhestvennyi perevod v istorii russkoi kul'tury* ["A Special Gift": Literary Translation in the History of Russian Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 354 p. (In Russ.)
3. Bagno, V.E., Misnikевич, T.V. "Verlen v podstrochnikakh i Verlen v perevode: tvorcheskaia laboratoriiia Fedora Sologuba" ["Verlen in the Interlinear Translation and in Translation: Creative Laboratory of Fyodor Sologub"]. *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 3, 2020, pp. 358–377. (In Russ.)
4. Bagno, V.E., Misnikевич, T.V. "Uroki frantsuzskogo (Neizvestnye perevody Fedora Sologuba i stanovlenie russkogo dekadentstva)" ["French Lessons (Unknown Translations by Fyodor Sologub and the Formation of Russian Decadence)"]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2016, pp. 23–41. (In Russ.)
5. Bagno, V.E., Petrova, G.V. "Tikhie pesni parnastsev i proklyatykh (Tvorcheskaia istoriia pervoi knigi stikhov I.F. Annenskogo)" ["Quiet Songs of the Parnassians and the Damned (Creative History of I.F. Annensky's First Book of Poems)"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2016, pp. 19–39. (In Russ.)
6. Gasparov, M.L. *Izbrannye trudy* [Selected Works], vol II: O stikhakh [On Verse]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 1997. 504 p. (In Russ.)
7. Gindin, S.I. "Iz rannei verleniany Valerii Briusova" ["From Valery Bryusov's Early Verlainiana"]. *De visu*, no. 8, 1993, pp. 24–49. (In Russ.)
8. *Mastera poeticheskogo perevoda. XX vek* [Masters of Poetic Translation. 20th Century], introd., comp., comm. by E.G. Etkind. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997. 879 p. (In Russ.)
9. Misnikевич, T.V. "Na motiv Verlenu: perevod vs. original" ["On Verlaine's Motive: Translation vs. Original"]. *Tekstologicheskii vremennik: Russkaia literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia* [Text Criticism Chronicle: Russian Literature of the 20th Century: Text Criticism and Source Study Issues], issue 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2012, pp. 241–261. (In Russ.)
10. Misnikевич, T.V. "Pervyi ili 'neudachnyi': o roli perevoda stikhotvoreniia Polia Verlenu 'Le ciel est, par-dessus le toit...' v tvorcheskoi biografii Fedora Sologuba" ["First' or 'Unsuccessful': on the Role of Translation of Paul Verlaine's Poem 'Le ciel est, par-dessus le toit...' in the Creative Biography of Fyodor Sologub"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2020, pp. 234–240. (In Russ.)
11. Polonskii, V.V. *GALLO-ROSSICA: Iz istorii russko-frantsuzskikh literaturnykh svyazei kontsa XVIII — nachala XX veka* [GALLO-ROSSICA: From the History of Russian-French Literary Ties in the Late 18th — Early 20th Centuries]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 416 p. (In Russ.)
12. Sologub, F. *Polnoe sobranie stikhotvoreniia i poem: v 3 t.* [Complete Lyrics and Poems: in 3 vols.], vol. 2, book 1: Stikhotvoreniia i poem 1893–1899 [Lyrics and Poems 1893–1899], prep. by T.V. Misnikевич. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 992 p. (In Russ.)
13. Strel'nikova, A.B. *Sologub — perevodchik poezii P. Verlenu* [Sologub as a Translator of P. Verlaine's Poetry]. Tomsk, Izd-vo TPU Publ., 2010. 179 p. (In Russ.)
14. *Fedor Sologub: Razyskaniia i materialy: Sbornik* [Fyodor Sologub: Discoveries and Materials], ed. by M.M. Pavlova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 832 p. (In Russ.)
15. Filicheva, V.V. "Soedinenie nashikh perevodov moglo by byt' polezno" (F. Sologub i V. Briusov v rabote nad perevodami P. Verlenu)" ["The Combination of Our Translations Could Be Useful" (F. Sologub and V. Bryusov translating P. Verlaine)"]. *Tekstologii i istoriko-literaturnyi protsess* [Text Criticism and Historical-Literary Process], issue 4, Moscow, Lider Publ., 2016, pp. 131–140. (In Russ.)